

Константиң РЫБИНСКИЙ

18+



ПИНЕЖСКИЕ
БЫВАЛЪЩИНЫ

Константин Рыбинский

Пинежские бивальщины.
Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Рыбинский К. В.

Пинежские бивальщины. Сборник рассказов / К. В. Рыбинский — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Время цикл охватывает от начала до конца XX века. Это бивальщины. Мистические, страшные. Я, конечно, позволил себе некоторые литературные вольности. Но места — вот они: в Пинежском районе Архангельской области. Они и всегда были волшебными, а теперь, оказавшись на страницах книги, стали совершенно магическими. Это рассказы о мире, в котором я живу, в котором всё тонко, прошлое заглядывает в будущее, а в настоящем пересекаются тысячи реальностей, где всё возможно.

Содержание

Предисловие	5
Горбун	6
1	6
2	11
Нечисть	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Предисловие

У вас в руках сборник рассказов «Пинежские бывальщины». Означает такое название вот что: в нём изложены случаи из жизни людей, живущих в одном из самых глухих уголков России, в Пинежском районе Архангельской области. От былей эти истории отличаются тем, что рассказаны в вековой избе под шипение тульского самовара, под иконами, почерневшими лет двести тому назад, а не зафиксированы многочисленными свидетелями, не скреплены подписью присяжного поверенного, и не обнаружены в Госархиве. Мне рассказывала их моя бабушка надвое.

Это бывальщины о моих родственниках и обо мне. Мистические, страшные.

Разумеется, я позволил себе некоторые литературные вольности. Имена редко совпадают с прототипами, характеры собирательны. Но места – вот они, можно приехать, посмотреть, постоять там, где жили герои. Они всегда были волшебными, а теперь, оказавшись на страницах книги, стали совершенно магическими. Такое вот взаимное влияние творчества и жизни.

Родился цикл из случайно написанного рассказа, который потянул за собой другой, третий... На одном дыхании. Вполне возможно, появятся новые, дополнят уже изданное, но главное сказано, структура сложилась, первый и последний совершенно точно определены.

Рассказы не являются реконструкцией событий, происходящих в период от начала до конца двадцатого столетия. Герои не говорят на языке района – он своеобразен, и нуждается в переводе на русский. С другой стороны, это и не стилизация, когда московская актриса пытается понятно сыграть поморку, старательно «окая». Создавая атмосферу, я использовал несколько диалектизмов, но даже не снабдил объяснением, сноской. Пусть они прозвучат напевом, далёкой мелодией. Музыка в толмаче не нуждается.

«Пинежские бывальщины» – о мире, в котором я живу, в котором всё тонко, прошлое заглядывает в будущее, а в настоящем пересекаются тысячи реальностей; где всё возможно. Волшебно, но и опасно.

«Пока ты живёшь своей маленькой жизнью, тобой никто всерьёз не интересуется. Мелкие грешки, мелкие добродетели. Когда же ты вступаешь в духовную брань – тысячи внимательных глаз начинают следить за тобой. И сочувствующих, и враждебных. Каждый шаг становится важным. И если ты непреклонен, твои враги становятся всё сильнее». («Возвращение»)

А ещё это – признание в любви, от первой до последней строки. К невероятно прекрасному краю, к моим родным, к моему детству.

Что ж, пора в путь. В заключение этого краткого предисловия, с удовольствием посвящаю весь цикл моей бабушке Анне Петровне, послужившей прототипом бабушки главного героя. Уверен, ей бы понравилось.

Горбун

1

Пинежский край – глухой, таинственный. Весь Север здешних обитателей опасается: колдуны, знахари через одного. Могут поправить человека, вылечить, а могут и наоборот. В общем, дурная слава, нехорошая.

Такие места, как здесь, нигде больше не встретишь. Вот вроде бы совсем рядом по соседству Холмогорский район – как копия с хорошей картины: похоже, а не она, не хватает чего-то, какой-то очень важной малости. В Пинежье же, словно Господь всё на свои места поставил, ничего не убавишь, не прибавишь.

Небо здесь не имеет края. Огромная перевернутая чаша лежит над землёй, нигде её не касаясь. В иных местах небо с землёй на горизонте соединяются, а в Пинежье оно за горизонт уходит, одним лётчикам ведомо куда. Оттенки синего этой небесной сферы ни литератор, ни художник не выпишут, десятки раз меняется цвет от ойкумены до зенита. Белые курчавые облака то ли плывут, то ли стоят под небом, как на выставке. С Масленицы далеко видать: от каждого облака по пахучему разнотравью заливных лугов тень крадётся. Редко когда, да вот и случится, оставит снежную дорожку в ледяной бездонной синеве самолёт.

Вся эта красота неземная отражается в чёрных зеркалах рек, которые на Севере никогда не цветут. Вот и плывёт лёгкая лодка-долблёнка по небу, режет носом синь, да облака, пускает чуть заметные волны к берегам, где они тихонько ласкают то песчаные пляжи, то красные горы, то меловые обрывы, то непроходимые джунгли кустов в курьях.

Пинега – река широкая, как всё по-настоящему значительное, от человека далека, своей тихой мощью подавляет. Питает же её великая сеть малых рек, речушек да ручьёв. Вот они человеку близки и родственны. В них есть и шумные пороги с серебряным хариусом, и глубокие чёрные омуты с быстрой зубастой щукой, и пропитанные солнцем прозрачные отмели с ленивым налимом.

Текут все эти реки под бездонным небом сквозь бескрайнюю тайгу. Вековые ели и сосны, так и не сведённые столетием промысла, стеной стоят по берегам, стерегут покой лесных жителей. Сегодня, когда люди уходят в душные муравейники городов, тайга потихоньку возвращает себе в давние времена с боем отданное. Робкие одинокие ёлочки, как разведчики великой армии, прорастают на чищенинах, брошенных полях, лесосеках, а через несколько лет сквозь колючую поросль уже не пробиться. Ещё десяток зим, и медведь, проламывая заросли, не вспомнит, как когда-то обходил овёс стороной.

Тайга необъятна. Можно месяцами блуждать в ней, никого не встретить и выйти к Тихому Океану. Во все стороны глушь, волки да россомахи, болота да озёра, лес без конца и края. Но и здесь издревле жили люди.

Солнечным августовским утром стайка девушек, только-только простившихся с отрочеством, отправилась в лес по ягоды. В деревне вчера завили хлебную бороду, так что вполне можно было побаловать перед осенними хлопотами.

Молоды девки все хороши по-своему. Что в старости вылезет уродством, то теперь – красота наособицу. Весёлые, стройные, ноги загорелые нет-нет, да и сверкнут из-под длинных домотканых подолов, глаза быстрые, озорные. Бегут по жизни, как по лесной тропинке, что только началась, а краю не видно.

Черники в тот год высыпало на высоких кустиках видимо-невидимо. Быстро набрали девки полные корзинки, вышли в Родин Нос к Шельмуше, сели на угоре передохнуть. На льня-

ном полотенце разложили, кто что принёс: у Настушки – хлебы, а у Польки с Анкой – воложны колобы да шаньги. Тепло, благодатно, на опушке рябчики свистят, эхом стук дятла носится, высоко в синеве, так что почти не видно, ястреб кружит, кукушка свой голос подаёт.

– Кукушка, кукушка, сколько мне жить осталось? – звонко выкрикнула Полька. Серая невидимка чуть помолчала, не спеша начала отсчёт. На четвёртом десятке Польке уж надоело пальцы загибать на очередной круг, а щедрая птица всё не унималась.

Анка разломила шаньгу, спросила со смешком:

– Что, Полька, втюрилась в Мишку-то Козьмина?

– Да, ну, тебя, араушко! А хоть бы и так, тебе-то что? Сама, как вельпина, по братану моему сохнешь. Да только не любя ты ему, Анка! Николаю Настушка поглянулась, он тихих любит! – она ткнула Настушку локтем в бок, давясь смехом. Та покраснела, пихнула Польку, повалила её на траву, в цветы, сверху прыгнула Анка, началась обычная девичья возня с хохотом, визгом и криками, нёсшимся над искрящимися рукавами мелкой речушки, пьянящим разноцветьем заливных лугов, в самую лесную глушь.

Старый горбун, из-за разлапистой ели наблюдавший с опушки мелькание заголившихся коленок, сплюнул тягучей слюной. Крутанулся на месте, побрёл прочь, бормоча сердито в косматую бороду.

Девки отдышались, оправили одежду. Анка огляделась вокруг, выпучила глаза, понизила голос:

– Слушайте, что скажу-то!

– Ну?

– Только, чур, молчок! Глашка сказывала, будто видела, как митричева Машка с Ванькой Галышевым вечером в баню пробирались!

– Гадость какая! – всплеснула руками Настушка.

Полька кинула на неё лукавый взгляд:

– Завидуешь?

Настушка вспыхнула, махнула рукой.

Полька повернулась к Анке, глаза её загорелись, голос стал низким, грудным:

– И что, было у них?

Анка прыснула:

– Так по осени увидим! Как бы к весне попа звать не пришлось!

Звонкий смех опять полетел вдоль реки, через говорливые перекаты в тёмный ельник.

– Всё, девки, пора назад! – Полька поднялась, взяла берестяной туесок. – Пойдёмте, дома ворчать будут!

Встали с помятой травы, отряхнулись, подобрали корзинки, зашагали в горку. Дорога шла молодым пахучим сосняком, насквозь пронизанным летним солнцем. Полька отломилась от шершавой нагретой солнцем коры засохшей смолы, отправила в рот, принялась жевать, сплёвывая поминутно. Сначала серка раскрошилась, наполнила рот горечью, а потом стала тягучей ароматной жвачкой. В голову лезли, как ни гони, соблазнительные видения бани и Мишки Козьмина, от чего в груди становилось жарко и стыдно сладко.

– Смотрите-ка! – шедшая чуть впереди Анка остановилась, указала рукой вперёд.

По дороге ковыляла, опираясь на клюку, нелепая фигурка.

– Давайте догоним, посмотрим кто! – предложила Полька.

Они припустили бегом, и скоро догнали путника. Впереди споро семенил очень маленького роста горбун с кривыми ногами, обутыми в новёхонькие запылённые сапоги. На голове картуз, в руке суковатая палка. Но прежде всего в глаза бросался огромный уродливый горб, туго обтянутый овчинной телогрейкой-безрукавкой. Девки переглянулись, пожали плечами: никто из них раньше не встречал такого чудного человечка. Полька, самая боевая, окликнула его:

– Дяденька! А вы откуда будете?

Горбун развернулся всем своим корявым телом. Девчонки отпрянули, будто жаром опалённые. Страшно было его лицо: перекошенное набок, рассечённое багровым шрамом, поросшее диким волосом; но страшнее уродства сверкали лютой звериной злобой чёрные глаза изпод лохматых, как бродячие собаки, бровей. Старик ощерился, показав жёлтые кривые зубы, сплюнул им под ноги, повернулся, заспешил прочь.

– Эко чудище! – пробормотала Полька. Постояла, глядя под ноги, подняла голову, посмотрела с недобрим прищуром вслед, да, вдруг, сорвалась с места, словно кто дёрнул. Подружки ахнуть не успели, а она догнала горбуна, и легко перескочила его боком, словно в салочки играла. Встала впереди: хохочет, заливается. Старик поднял оброненную клюку, зыркнул так, что смех как серпом обрезало. Да что там смех! Птицы умолкли, когда он негромко просипел, буравя Польку своими страшными глазами:

– Ну, попомнишь ты меня.

Полька побледнела, бросилась прочь. Подружки осторожно, глядя в землю, обошли горбуна, побежали следом. Остановились на опушке, Забором, откуда видны были дома деревни. Отдышались, пошли шагом.

– Что, испужались горбатого? Ишь, как барашки злы вылупил! – Полька старалась говорить насмешливо, но выходило плохо. Настушка посмотрела на неё с нескрываемым ужасом:

– Испужались, – и перекрестилась трижды. До околицы дошли молча, оборачиваясь, там разбежались в стороны.

Полька вернулась домой как раз к ужину. Сама не своя бродила по избе, не находя себе места. Её трижды окликали, пока она села на лавку, уставилась в стол

– Полька! – позвал её брат. Она медленно подняла голову, и Николай отшатнулся: чужие, дикие глаза смотрели сквозь него. Губы Польки дрожали, из угла рта тонкой ниточкой тянулась слюна.

Она закричала страшно и высоко. Все вскочили из-за стола. Полька закружилась волчком, стряхивая с себя ей одной видимых пауков.

– Лочаки! Лочаки! – верещала она. Никто не решался к ней подступиться. Она сорвала с себя одежду, швырнула её под лавку, забилась в угол, выставив перед собой сведённые судорогой руки, и продолжая визжать. Отец опомнился первым:

– Колька, хватай её за руки, тащите полотенца!

Вдвоём они скрутили извивающуюся Польку, ставшую вдруг очень сильной, связали, отнесли в верхнюю горницу.

– Спортили девку, прости Господи! – выдохнула мать, перекрестившись на образа. – Натя к Марье Алексеевне вести.

На телеге бьющуюся в припадках Польку отвезли в дальний конец деревни. Здесь, куда без надобности не забредал даже самый отчаянный конюх, а, сказать по правде, хаживал только юродивый Яшка-перевозчик, жила в доме над угором не совсем ещё старая бабка Марья Алексеевна. От июля до сентября курились у её кривого забора сырые покшеньгские туманы, расходились по курьям, тревожили мертвецов на деревенском кладбище.

Её боялись все, от мала до велика. За глаза говаривали, что она икоту напускает на людей, так что, проходя мимо, жевали осиновую кору. Марья только посмеивалась: что ей осиновая кора! Но случись хворь, али пропажа – шли к ней даже из дальних деревень. Боялись, а шли. Сила в Марье Алексеевне была редкая. Могла и корову заплутавшую вернуть, и мужа загулявшего. Но и по мелочи: лихорадку заговаривала, суставы вправляла – знахарствовала, словом.

Марья только взглянула на Польку – так и слушать ничего не стала, плюнула, прикрикнула:

– Несите её в мою баню, положите на пол. Идите, да не оглядывайтесь! Вернётесь за ей через три дня.

Все обомлели, а она, ни на кого не глядя, повернулась, ушла в дом.

Как смеркалось, Марья Алексеевна вышла во двор с холщёвым мешком за плечами. Краем глаза заметила, как торопливо задёрнули занавеску в соседском доме. За занавеской крестились, шептали обрывки молитв – как могли, прогоняли удушливую жуть, что волной катила от марьиного дома. Отчего, почему не поймёшь, а боязно даже взглянуть, остаётся только зажмуриться и ждать, что мимо пронесёт.

Чуть притопывая, обошла баню кругом.

Потом ещё раз.

И ещё.

Когда закачивала третий круг, из бани раздался вопль, что-то загрохотало, покатилося по полу. Марья продолжала кружить, а из бани неслись крики на чужих языках, собачий лай, мяуканье, кукареканье, хохот. На седьмом круге дверь бани со стуком распахнулась. На пороге стояла, закатив глаза, покачиваясь из стороны в сторону и тихонько подвывая, голая Полька. Грудь, руки, ноги, лицо – всё было расцарапано в кровь, перемазано грязью. Волосы слиплись, висели мокрой паклей.

Марья сдёрнула со спины мешок, подскочила к Польке, с размаху смазала мешком по оскалу, прикрикнула так, словно имела право:

– А ну, марш на полок, урос окаянный!

Полька юркнула в баню, на чёрный полок, забилась в угол, поскуливая, как битая собака.

Вся банная утварь валялась на полу, скамейки перевёрнуты, баки опрокинуты. В углу белел ком рваных полотенец. Марья развязала мешок, разложила на скамье пучок сухой травы, склянку с желтоватой жидкостью, стакан, спички, яйцо на голубом щербатом блюде, баклажку.

Полька змеёй шипела из тёмного угла, но старуха не обращала на неё внимания. Из баклажки налила в стакан воды, стала зажигать спички и гасить их в воде, нашёптывая невнятно. Закончив, со стаканом подошла к Польке. Та ощерилась, зарычала.

– Сиди смирно! – рявкнула Марья. Полька замерла.

– Пей живо! – старуха взяла крючковатыми пальцами острый Полькин подбородок, разжала зубы, влила воду ей в рот. Полька забулькала, закашлялась, проглотила. Старуха ещё пошептала, взяла яйцо, снова подошла, приложила яйцо ко лбу, снова зашептала, теперь уже долго, жарко.

Когда разбила яйцо о край стакана, из него потянулась чёрная зловонная жижа.

Марья Алексеевна сплюнула трижды, перекрестилась.

Из склянки, в которой три года настаивала на спирту изгон, заставила глотнуть.

Три дня Марья продержала Польку в своей бане. Есть не давала, поила только рвотным отваром. Полька больше не бесновалась.

К вечеру третьего дня Польку вырвало скользкой дрянью, похожей на чайный гриб. Марья Алексеевна мерзость эту сразу сожгла, а пепел закопала в лесу.

Еле живую Польку отец с Николаем забрали поутру. Она словно у заплечных дел мастеров побывала: губы разбиты, щёки исцарапаны, веки опухли. Николай прижал её покрепче, но зря – силы в ней уже не было. Когда Марья Алексеевна бросила на них последний взгляд, сказала:

– Слушай, Василий! Я, на что силы хватило, сделала. Как смогла – помогла. Да только тому, кто спортил твою дочь, я не ровня. Мне такая сила и не снилась. А всё ж, дичать она

боле не будет, не беспокойся. Но и прежней ей уже не бывать. У ей полдуши выжжено. Ступай с Богом, береги семью.

2

После этого случая, сызмальства бывшая огневой заводилой Польшка стала неприметной робкой тихоней. Начала сторониться людей, особенно малорослых, а горбунов и вовсе боялась до судорог: если в книжке попадётся – бросала книжку, если в кино – убегала из кино. В жизни, правда, ей ни один более не встретился.

Со временем, отец выдал ей замуж за вдовца из дальней деревни. Хороший был человек, только контуженный в войну, жалел её, не обижал. Она родила ему двух дочерей. Жизнь прошла, как у всех: дочери выросли, разъехались по городам, муж помер. К родственникам приживаться Польшка не захотела, осталась одна, поселилась на хуторе, наособицу. Завела сколько-то козочек да кота, прикипела к ним сердцем, баловала: угощала, наглаживала, вычёсывала. Никто боле ей и не нужен был. Так и прожила отшельницей лет до 90. Что странно и удивительно, не болела вовсе. Только слабела.

Польшка проснулась от холода, пробравшегося сквозь пуховое одеяло, брошенный сверху овчинный тулуп, две кофты, шаровары и толстые самовязанные носки из козьей шерсти. Она прикрыла ладонями заледеневший нос, отогрела его дыханием. Избу до потолка затопили стылые зимние сумерки, то ли утро, то ли вечер – не поймёшь. Ложилась вечером, значит утро, точнее, день: зимой на Северах светает поздно, почти к обеду.

Польшка, не откидывая одеяла, с трудом села в постели. Сон не придал сил, она чувствовала, что если встанет слишком быстро – рухнет на пол. Даже сейчас у неё закружилась голова. Польшка посмотрела на свои высохшие птичьи руки. Почти девять десятков лет они мяли этот мир, как пластилин, да, видно, теперь уж всё.

– Охо-хо! – вздохнула она. Звук прошелестел в сыром воздухе замерзающего в тайге дома, затих где-то за печкой. По связанным из ветоши круглым половикам, сплошь устилавшим давным-давно не крашенные плахи пола, неслышно прошёл на сильных лапах огромный мохнатый сибиряк Василий, легко взлетел на костлявые старушечьи колени.

– Ну, здравствуй, Васятка! Тепло тебе в экой-то шубке? – она улыбнулась всеми морщинами, огладила любимца от ушей, до хвоста, почесала за ухом. Кот хрипло мяукнул, заглянул в слезящиеся глаза, выгнул спинку, потёрся о руки, подбородок, иссохшую грудь.

– Сейчас, котя-коток, сейчас, дай поднимусь!

Она опустила ноги в валенки, откинула одеяло, осторожно встала. Поёжилась, потянула с кровати тулуп, не сразу попадая в рукава, натянула его. Медленно, опираясь о холодные шершавые стены с колючим мхом между брёвнами, в который то тут, то там были воткнуты разноцветные бумажки пенсии, добрела до покрытого нарядной клеёнкой стола. Постояла, отдышалась. Взяла с грубо сколоченной подвесной этажерки за ветхой, но чистой занавесочкой глиняную крынку с остатками молока, налила в голубое блюдечко, поставила на пол. Мурчащий кот с достоинством принялся лакать маленьким розовым язычком. Старуха опять улыбнулась:

– Кушай, Васенька, лапочка! Уж прости, сегодня без хлебушка.

Польшка потёрла коченеющие руки. Второй день она не топила печь, не готовила. Вчера, собрав остатки сил, она задала корм козочкам, напоила их, подоила дойных Сашку и Машку. На это ушёл весь день. На топку печи сил не осталось, да и дрова кончились.

Сегодня надо было истопить обязательно: мороз крепчал. Вода в ведре на полу подёрнулась корочкой льда, в углах белел иней.

Сказывают, что древние старухи чувят день смерти. Одевают чистое, сползают с кровати на пол, чтобы не поганить бельё. Польшка прислушалась к себе, пожала плечами: «Ничего не чувю. Слабость одна!»

Она села на свою высокую кровать, повязала поверх шерстяного платка пуховый, подарок брата. Вспомнив Николая, тихо всплакнула, как всегда. Он умер несколько лет назад. Теперь из старшей родни осталась только она. Да что родня, уже и подружки все под землю переселились, а её всё Господь придерживает зачем-то, как она ни молит о смерти.

Зарёванные племянницы на похоронах Николая звали её жить к себе, но Польша отказалась наотрез. Привыкла, дескать, жить одна в глуши со своими козочками и Васькой.

Местные прозвали её лешачихой и всерьёз побаивались. Говорили, что она знает нечистой силой, ворожит, икотничает. Конечно, ввали. Травки, коренья, настои, отвары – любая пинежская бабка в этом толк знает, Польша тоже многие хвори одолеть могла.

Только что пить, если силы, отпущенные на длинный Польшин век, которых хватило на три войны, три революции, на коллективизацию, индустриализацию, на укрупнения, объединения, на разрядку, перестройку, на царя, генсеков, президентов – в одночасье иссякли.

– Охо-хо! – опять вздохнула Польша, встала с кровати, вышла во двор.

Как ни холодно было в избе, а много теплее, чем за обитой тряпьем дверью. Мороз ошпарил лицо, выбил ледяным ветром слёзы из глаз. Зимнее солнце заиндевелившим апельсином висело над чёрной гребёнкой леса, и до самой весны подняться выше ему воли не было. Даже так пробудет недолго: скоро провалится в бурелом за далёкими реками, закатится в берлогу отогреваться, чтобы назавтра проползти по краю неба хоть часа три-четыре. Зимой в Пинежье, сверкая наверху звёздами, а внизу – голодными волчьими глазами, полноправно властвует тьма.

Утопая по пояс в рыхлых перемётах на узкой дорожке, протоптанной среди сверкающих самоцветами сугробов, Польша добралась до занесённого по крышу дровяника, благодаря Бога, что эту неделю не шёл снег, не завалил тропинку. Скрипнула давно не мазанными коваными петлями щербатая дверь, распахнулась настежь. Польша вошла, присела на высокий порог, отдышалась, окутываясь паром, как старый паровоз на станции. Колотые дрова в сарае закончились ещё вчера, остались только тяжёлые чурки, что по осени привёз и располовинил за пол-ящика белого Гришка-пьяница из соседней деревни. Он и на прошлой неделе заскакивал одолжить на опохмел, нарубил дров сколько-то, да и пропал, запил, видать.

– Где ж ты, окаянный, когда ты край, как нужен! – проворчала Польша.

Ещё неделю назад она легко управлялась и без Гришкиной помощи. В округе все дивились шустрой энергии неутомимой бабки. Дрова рубила, воду носила, стирала-полоскала, с козами обряжалась. По осени из леса грибы-ягоды таскала и себе, и на продажу коробами.

А вот позавчера, словно кто воздух из шарика выпустил – сдулась.

Польша поднялась, кряхтя, установила чурку поустойчивей, с трудом подняла на плечо тяжёлый топор, да и ухнула из последних сил, боясь промазать.

Чёрное ледяное железо глубоко вонзилось в дерево прямо посередине, но не расколело его.

– Тьфу ты, леший, – выругалась Польша, и сразу перекрестилась: – Прости, Господи!

Дёрнула топориче, но топор не поддался, чурка со стуком упала на промёрзший земляной пол. Польша легла, обеими руками ухватилась, упёрлась ногами, потянула, что было сил – только спина заныла. Ещё попробовала – всё зря. Сил не было даже сесть, перед глазами плыло, сердце колотилось, как попало, никак не получалось перевести дух. Она откинулась на спину, раскинула руки, просипела в багровое марево:

– Эх, Гришка-Гришка, непутёвая голова, где же ты ходишь, богатка?

Перевернулась на бок, подтянула колени к груди. Сердце постепенно успокоилось, дыхание выровнялось, пелена рассеялась.

Из хлева донеслось приглушённое бляение.

– Ох, вы ж деточки мои! – прошептала Польшка, хватая после каждого слова перемороженный воздух. – Как же вы будете тут без меня?! Господи, помилуй, Матерь Божья!

Польшка не то, чтобы верила в Бога, она запросто с ним разговаривала.

Подступила тошнота, она закашлялась, но желудок был пуст. Польшка переждала болезненные спазмы, встала на четвереньки, да так и поковыляла, охая, вон.

Солнце едва выглядывало над лесом, прощаясь.

С несколькими остановками, заговариваясь, Польшка добралась уже проторенной тропой до дома, открыла хлев. Её козочки выбежали навстречу, доверчиво толкались тёплыми носами в заочневшие ладони. Польшка расплакалась от бессилия, причитая шёпотом:

– Господи, ну, как они без меня! Пропадут-замёрзнут! Матерь Божья!

Господь не ответил. Он никогда ей не отвечал, но она не обижалась. До неё ли Ему, когда весь мир – чёрт знает что!

Слёзы кончились, Польшка позвала козочек в избу, вместе с ними, всё так же на четвереньках, вползла, затворила дверь, но запирать не стала.

«Так быстрее найдут. А то подумают, что ушла куда».

Козочки стучали копытцами по комнате, изредка подавая голоса. Польшка улыбнулась, привалилась спиной к стене у двери, закрыла глаза.

Стало тепло, покойно. Босыми ногами она легко ступала по тёплому песку лесной дороги. Подошвы покалывали сосновые иголки, над головой в просветах между прозрачными кронами сияло молодое синее небо, руку приятно оттягивала корзинка, полная тугой блестящей черники. Впереди показалась низенькая фигурка горбуна, но Польшка не испугалась. Скоро она нагнала его, вежливо поздоровалась, да и прошмыгнула мимо, поспешая к деревне, крыши которой уже виднелись в конце пути.

Нечисть

Солнце вошло в зенит, когда на опушке леса в излучине Покшеньги показался отряд всадников. Было их человек пятнадцать, запylённые, в потрёпанной форме, с винтовками и при шашках.

– На водопой! – крикнул командир в рыжей затёртой кожанке, перетянутой портупеей. Лошади, переступая коваными копытами и отмахиваясь хвостами от свирепых оводов, осторожно спустились к чёрной воде, принялись жадно, с фырканием и плеском, пить. Люди молчали. Грубые, топором рубленые лица не выражали ничего, разве усталость, вьёвшаюся в кожу, как пороховая гарь. Уже четыре года они, что ни день, стреляли, рубили, кололи, резали и мучили других людей, а те пытались то же самое сотворить с ними. И конца этой кровавой бане не было.

С угора над рекой уже видны были тёсанные пирамиды шатров церкви над Масленицей. Как давно он не видел их? Два, три года? Может быть, больше? Жизнь давно уже перестала мериться такими огромными шагами. День, ночь, сутки – дальше не загадывается, и вспоминать не хочется. Во всех временах – война и кровь. Яков сплюнул. С пятнадцатого года вся жизнь наперекосяк.

Дав коню напиться, он сдвинул коленями бока вороного, и тот вынес его на крутой берег.

– Наволоками пойдём, – крикнул он. – Здесь шире.

– Так ведь заметно порато! – возразил коренастый бородач, вытирая руки о штопаную гимнастёрку. Он спешил, чтобы умыться, и теперь смотрел снизу вверх.

– Нам, Михалыч, бояться здесь нечего. Пускай нас опасаются. Ну, марш!

Лёгкой рысью отряд пошёл по цветам заливных лугов.

Наволоки тянутся вдоль Покшеньги на многие километры. В межсезонье обычно тихая река выходит из берегов, заливая их от леса до леса – потому деревья здесь не растут, только дикие травы. Когда большая вода уходит, а северное солнце начинает пригревать, наволоки покрываются цветами, чей медвяный дух смешивается в сладкий пьянящий купаж, настаивается в долине реки, разносится ветром. Бредёшь по такому лугу по пояс в траве, упадёшь крестом, отразишься глазами в синем небе без дна, да и забудешь обо всём.

Летит земля под копытами, хлещет борщевиком лошадиные бока, гудит дробным топотом. Не успели надышаться приречным разнотравьем, а уж влетели по красной дороге мимо мёртвой церкви в притихшую деревню.

Марья издали приметилла конную ватагу, топчущую наволоки. Поймала соседского мальчонку, велела обежать деревню, предупредить всех. Время стояло лихое, добра от проходимцев ждать не приходилось.

Защитить себя деревня не могла: мужиков забрали нескончаемые войны, остались старики, бабы с детьми, да девки. Вот девок и прятали в первую очередь, потому что больше прятать было нечего: то Белые, то Красные забирали, походя, что приглянётся, а деревня оставалась, как сирота на вокзале.

Никто не вышел встречать незваных гостей, не предложил отдохнуть с дороги, не вынес напиться. Те, кто не прятался в подлеске за околицей, молились под иконами.

Пинежский край теперь прочно удерживали большевики, опасаться было нечего, но война ошибок не прощает, так что прежде чем расположиться на постой, пошуровали везде, убедились, что врага нет.

По правде сказать, делать здесь Яшкиному отряду было нечего, бороться с контрой ему надлежало много южнее, но имелся у командира свой интерес. Оставив коня на попечение бородатого, он наскоро умылся в тазу, пригладил непослушные вихры, одёрнул гимнастёрку, и поспешил к дому, в который частенько хаживал до войны. Столько лет прошло, столько крови

пролита своей и чужой, что захлебнуться можно, а заноза из сердца всё не шла, ныла вечерами, не давала спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.